

Ли Синь,
магистрант,

Кыргызский государственный университет им. И.Арабаева

Условия успешной переводческой деятельности

Известный немецкий лингвист и философ Вильгельм Гумбольдт в письме к своему современнику, немецкому писателю и переводчику Августу Шлегелю писал: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу, ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника» (4). В. Гумбольдт явился фактически основоположником «теории непереводаемости», которая впоследствии разделялась многими лингвистами, в том числе и теми, кто сам много и весьма успешно выступал в роли переводчика. Эта «теория непереводаемости» долгое время была одним из препятствий на пути лингвистического анализа перевода, хотя переводчики продолжали выполнять свою *невыполнимую задачу*, которой Гумбольдт охарактеризовал перевод в целом.

В. Гумбольдт и А. Шлегель жили в эпоху, отдаленную от нас почти 200-летней давностью, и присущее им понимание перевода было вполне объяснимо и обусловлено тем, что в те годы знание языков было почти единственным условием перевода: для переводчика достаточно было владеть языком оригинала и языком перевода. При этом не затрагивалась лингвистическая сущность переводческого процесса, потому что проблема перевода не входила в круг языковедческих проблем. Сами переводчики полагали, что лингвистические аспекты играют в искусстве перевода весьма незначительную, чисто техническую роль, а языковеды не считали необходимым рассматривать переводческую деятельность как объект лингвистического исследования. Они сосредотачивали внимание на изучении специфики языка, раскрытии его уникальной и неповторимой структуры, особенностей грамматического строя и словарного состава каждого языка в отдельности. То, что каждый язык имеет свою национальную специфику, предполагало принципиальную невозможность тождества двух текстов, написанных на разных языках. А коль скоро перевод должен был достаточно полно воспроизводить оригинал, то, действительно, перед переводчиком вставала *невыполнимая задача*: перевод оказывался принципиально невозможным по чисто лингвистическим причинам.

Сегодня ситуация изменилась. В последние десятилетия теория перевода превратилась в самостоятельную науку, пришло осознание того, что основные трудности перевода и весь характер переводческого процесса обуславливаются расхождениями в структурах и правилах функционирования **языков**, участвующих в этом процессе. Теперь при переводе разнообразных материалов уже нельзя было довольствоваться верностью перевода «в целом». Перевод должен обеспечить передачу информации во всех деталях, вплоть до значений отдельных слов, должен соответствовать оригиналу. Другими словами,

возросла роль языковой первоосновы переводческого процесса, что потребовало от переводчика доведения до профессионализма уровня владения иностранным языком. Профессиональное владение языком понимается «как приближающееся к тому уровню, который характерен для **образованного** (выделено нами. – Л.С.) носителя этого языка (т.е. «природного» *инофона*)» (6, с. 4). Но профессиональная лингвистическая подготовка, по мнению И.И. Халеевой, «должна варьироваться в зависимости от того, идет ли речь об обучении филолога (призванного изучать систему и функционирование языка или интерпретировать письменные тексты), преподавателя/учителя (профессиональной задачей которого <...> является обучение системе иностранного языка и принципам ее функционирования применительно к разным гипотетическим обстоятельствам речевой коммуникации) или, наконец, переводчика» (6, с. 4).

Подготовка переводчика, таким образом, имеет свои специфические особенности, которые заключаются не только в достижении высокопрофессионального уровня знания языка перевода. Не менее важной частью подготовки переводчика становится знакомство с другими сторонами межязыкового и межкультурного взаимодействия, о чем и пойдет речь ниже.

Что же представляет собой перевод? По определению Л.С. Бархударова, переводом называется «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» (1, с. 11). Любой язык, как известно, представляет собой сложную знаковую систему, в которой единицы языка характеризуются двуплановостью – наличием языковой формы и семантического значения. При этом решающую роль для перевода играет тот факт, что разные языки содержат единицы, различающиеся в плане выражения (по форме), но совпадающие в плане содержания (по значению).

Сегодня перевод рассматривается как необычайно сложный и многогранный процесс человеческой деятельности. В процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные личности (переводчиков), различные культуры, разные склады мышления, разные традиции и установки. Переводчик – это своего рода посредник между двумя коммуникантами, говорящими на разных языках. Его задача заключается не только в том, чтобы сделать процесс коммуникации понятным для обеих сторон, и стремится он должен не только к адекватной передаче смысла переводимого текста. Не менее важно передать этот смысл в соответствующих языковых единицах. С одной стороны, перевод должен соответствовать оригиналу, но не менее важная его задача заключается в способности обеспечить передачу информации во всех деталях, включая значения отдельных слов.

Особенности языков и способы их использования для наименования объектов и описания ситуаций вызывают у переводчика целый ряд трудностей. В.Н. Комисарова выделяет три типа таких трудностей: «специфичность семантики языковых единиц, несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, описываемой в переводимых текстах». Под языковыми единицами понимается воплощенное в языковом знаке «устойчивое, только ему присущее значение», но эти значения у единиц разных языков, как правило, не совпадают. Отсюда и следует, что перевод никогда не сводится к «простой замене одной формы на другую, и переводчику приходится постоянно решать, значение каких единиц языка наиболее соответствует содержанию оригинала» (2, с. 4). Каждый

язык создает свою особую языковую картину мира, под которой понимается «мировосприятие через призму определенного языка» (3, с. 354). *Языковая картина мира* отражает реальность через культурную картину мира. *Культурная (понятийная) картина мира* – это, по определению С.Г. Тер-Минасовой, «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» (5, с. 40).

Сама идея существования национально-специфических языковых картин мира зародилась в немецкой филологии в конце XVIII – начале XIX в. в трудах И. Гердера и В. Гумбольдта. Говоря о языковой картине мира и признавая ее роль в овладении искусством перевода, теоретики перевода имеют в виду, во-первых, что язык как идеальная, объективно существующая структура подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями. А во-вторых, то, что язык – система чистых значимостей – образует собственный мир, как бы «наклеенный на мир действительный» (5, с. 46). Поэтому для каждого переводчика важно овладеть информацией о данных коммуникативной лингвистики, связанных с особенностями процесса речевой коммуникации, специфике прямых и косвенных речевых актов, о соотношении выраженного и подразумеваемого смысла в высказывании и тексте, влиянии контекста и ситуации общения на понимание. Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи подготовки переводчика как посредника между представителями разных народов и культур заключается в том, что **языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.**

Любое иностранное слово, семантически похожее на слово родного языка, требует осторожности с его *употреблением*, потому что за словом стоит понятие, за понятием – предмет или явление реального мира, а это мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый. Нами не случайно выделено слово *употребление*: именно в процессе перевода как процесса производства речи, то есть при реализации активных навыков пользования языком (говорение, письмо), особенно остро встает проблема культурного барьера, культурного компонента, наличия культурных фоновых знаний о мире изучаемого языка. Действительно, при переводе важно не просто понять и распознать значение слова в переводимом тексте, а самому *произвести* (т.е. перевести) этот текст; нужно знать не только собственное значение слова, но и как можно больше о том, что стоит за словом, какой предмет-понятие, каково его место и функции в том мире, где данный язык используется в качестве реального средства общения (5, с. 35).

Наше внимание сосредоточено на проблеме перевода с китайского языка на русский. Эта проблема еще практически не исследована, и работ, посвященных изучению вопросов перевода с китайского на русский и с русского на китайский, очень мало. Вместе с тем, перевод в Китае, как и в других странах, существовал давно, и даже само слово *翻译* (*фаньши* – «перевод») впервые упоминается в книге *隋书·经籍志* (*Суйши Цзинцзичжи*) эпохи Суй (581–618 гг.), где говорится о том, что перевод является лучшим средством для объяснения и понимания между жителями разных районов Китая и тем самым служит установлению порядка и спокойствия в стране (7, с. 4).

Существование переводческой практики и переводоведения в Китае имеет свою длительную историю. Отметим, что собственно теория перевода в Китае возникла как «неизбежный продукт практической деятельности переводчиков буддийской литературы в средние века» (7, с. 5). В этой области преуспел Кумараджива (Цзюмолоши),

переводческое искусство которого сводилось к трем основным приемам: 1) удалять сложные и трудные для понимания места; 2) не ограничиваться структурой оригинала; 3) изменять текст оригинала (7, с. 7). Старая школа теории перевода в Китае стремилась создать свою собственную переводческую концепцию, свободную от тех критериев перевода, которые существовали на Западе. Часто можно было найти ссылки на Конфуция, декларирующего: «Если язык способен передавать смысл, то этого достаточно» (7, с. 15). Конец XX века был ознаменован новым этапом в развитии переводческой деятельности, где наблюдалось осмысление переводческого опыта не только собственно китайского, но и мирового.

В настоящее время интерес к китайскому языку в мире необычайно возрос. Повсеместно готовят переводчиков с китайского языка. Как известно, китайская письменность является иероглифической, отличной от алфавитного письма. Каждый иероглиф передает самую общую идею обозначаемого им предмета, явления, понятия. Использование иероглифов обусловило для Китая специфическое видение мира и иероглифическое мышление. Большая часть китайских иероглифов сохраняла свою неизменность на протяжении нескольких тысячелетий и до сих пор сохраняет в неприкосновенности обозначения или понятия, что явилось одной из причин неизменности китайской культуры и ее постоянства. Иероглифическая письменность и мышление также предопределили символизм китайской культуры, привели к тому, что именно символические образы, заключенные в иероглифы, стали орудием мышления китайцев. Сложность иероглифического текста вызывает трудности в процессе перевода, особенно в начале этого процесса, когда идет осмысление и понимание переводимого материала. Но даже знания огромного количества иероглифов недостаточно, чтобы понять китайский текст. Необходимо знать китайскую историю, религию, философию, культуру, искусство, иметь представление об обычаях, традициях и нравах китайского народа. Поэтому подготовка переводчика с китайского языка – это сложный и многогранный процесс, включающий в себя работу не только лингвистов, но и историков, философов, антропологов, психологов и т.д.

Определенные трудности при переводе обусловлены специфическими особенностями китайской традиционной культурной символики, отличающейся от символических кодов, характерных для других культур. В качестве примера приведем символику цвета: обозначение цветовой гаммы в китайском языке не соответствует обозначениям, принятым в русском языке. Также в отношении того или иного цвета у китайского и русского народов возникают совершенно противоположные ассоциации. Например, красный цвет для китайца – это цвет удачи, расцвета, символ счастья. У русских же красный цвет ассоциируется с цветом революции, крови. В древнерусском языке *красный* означало *красивый*. В русской культурной символике встречается также восприятие красного цвета как цвета сладострастия. Зеленый цвет в русской культуре символизирует надежду, энергию, силу, а у китайцев этот цвет вызывает неприятные и негативные эмоции: *носить зеленую шляпу – носить рога*, поэтому в китайских магазинах никогда не встретишь головной убор зеленого цвета. Такие детали необходимо учитывать при переводе и осторожно обращаться с цветовыми оттенками. Другой пример: восприятие цвета на Западе и Востоке может различаться и в отношении цвета кожи. Так, в России и Европе считается, что загорелый, бронзовый оттенок кожи свидетельствует о здоровье и красоте ее обладателя. Китайцы же, наоборот, красивой считают белую кожу, потому так популярны в Китае дамские зонтики и летние шляпки, предохраняю-

щие лицо от загара. Фраза, брошенная европейцем: «You look darker after the holidays» (После отпуска ты выглядишь еще более загорелым) китайцем будет воспринята как оскорбление ‘黑得多了’, 像个乡巴佬 («почернел как деревенщина»).

Заметно отличается у китайцев и русских восприятие времен года. Так, например, если весна для русских – это время года, следующее за зимой, время пробуждения природы, то в китайском языке это время года ассоциируется с любовными отношениями (怀春 – хуайчунь – «томиться жадной любви, пылать страстью»), а также означает жизненную силу и живучесть (妙手回春 – мяо шюу хуэй чунь – «чудесное исцеление, непревзойденное искусство врачевания»). Различия в понимании значения этого слова может привести к искажению смысла при переводе. Например, известна китайская фраза 科学的春天已经到来了 – «наступила весна науки». Для русскоязычного человека такой смысл будет мало понятен, потому что здесь речь идет о расцвете науки, а не о ее пробуждении.

При переводе важно передать содержание оригинала и вместе с тем сохранить национальное своеобразие переводимого текста. Подобно тому как в процессе речевого общения на одном языке тексты для говорящего и для слушающего признаются коммуникативно равноценными и объединяются в единое целое, так и текст перевода должен быть признан коммуникативно равноценным тексту оригинала. Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке переводчика мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться с ним в функциональном, структурном и содержательном отношении.

Переводчик выполняет важнейшую социальную функцию посредника между разноязычными и разнокультурными общностями. Помимо своей посреднической роли в процессе межъязыкового общения, переводчик иногда выполняет коммуникативные функции, выходящие за рамки языкового посредничества. Как правило, это имеет место в процессе устного перевода, когда переводчик непосредственно общается с участниками межъязыкового общения.

Здесь устному переводчику с китайского языка необходимо иметь в виду некоторые особенности китайской деловой коммуникации, например, знать, что для китайцев неоспоримую ценность представляет все рациональное, то, что может принести какую-либо осязаемую выгоду. Китайцы никогда не принимают решений без глубокого и досконального изучения всех сторон решаемого вопроса и возможных последствий. Китайцы выстраивают деловые отношения, четко разграничивая отдельные этапы: а) первоначальное уточнение позиций; б) обсуждение; в) заключительный этап. Поскольку китайская культура принадлежит к группе культур высококонтекстуальных, здесь большое внимание уделяется внешнему виду партнеров, манере их поведения, отношениям внутри группы. На этой основе китайцы попытаются определить статус каждого из участников коммуникации и будут ориентироваться на людей с более высоким статусом, как официальным, так и неофициальным.

На официальных переговорах с китайской стороной переводчик, выступающий в роли посредника коммуникации, должен быть готовым к тому, что может возникнуть ситуация, когда придется первыми высказать свою точку зрения, внести свои предложения, т.е. «раскрыть карты». Если переговоры проходят на китайской территории, то китайцы могут объяснить этот шаг тем, что, согласно их традиции, гостю всегда предоставляется первое слово. Попытка же получить первичную информацию у китайской стороны ока-

зывается безрезультатной. Во время деловых встреч китайские участники переговоров очень внимательно отнесутся к сбору информации относительно предмета обсуждения, а также к партнерам по переговорам и формированию видимости дружеских отношений. Такая видимость имеет для китайской стороны очень большое значение, обусловленное китайскими культурными традициями и ценностями. Китайцы в любой ситуации стараются сохранить вежливость и «лицо», быть как можно сдержаннее в своих высказываниях. Учетливость и вежливость у китайцев зачастую бывает важнее правдивости, что и вызывает видимость дружеских отношений. Китайцы, чтобы не потерять «лица», готовы любезно ответить согласием, если отрицательный ответ может быть неприятен собеседнику. Такую двусмысленность порождает и сама структура китайского языка, позволяющая длительное время говорить, не высказывая своего мнения четко и ясно.

Высокая контекстуальность китайской культуры требует от китайцев особой формы вежливости, например, осторожной формы выражения отрицания. Известно китайское выражение *一点点* – *идианьдиань*, означающее «самую капельку». Китайской фразе *你的四声还可以再好一点* («Твои четыре тона могли бы быть самую капельку лучше») в русском языке соответствует: «Над своими четырьмя тонами тебе следует еще поработать», а фразе *你不能安静一点吗?* («Не мог бы ты быть самую капельку поспокойнее?») соответствует русское «Закрой рот!».

Для китайского вежливого косвенного способа передачи информации характерны так называемые «беседы, ведущиеся по спирали», согласно которым переходить сразу, напрямую к сути вопроса считается не очень вежливым. К основному вопросу приближаются «концентрическими кругами», начиная издали, как бы невзначай, чтобы иметь возможность понаблюдать за собеседником и его реакцией.

Китайское извинение *对不起* (*дуибуци*), дословно означающее: «Не поднимай (свою руку) против (меня)», напоминает любезную улыбку (они оба практически всегда присутствуют в беседе). Но не всегда это извинение является выражением действительного сожаления. Фразой извинения, которую невозможно перевести однозначно в силу ее многообразия, является оборот *不好意思* (*бу хао ииси*), что дословно означает: «В этом нет ничего особенного». На практике это может означать что угодно: *этого не стоит делать, извините, что приношу Вам беспокойство* и т.п., т.е. опытному переводчику необходимо чувствовать контекст, чтобы дать этой фразе адекватный перевод.

Таким образом, успех переводческой деятельности во многом зависит не только от высокопрофессионального уровня лингвистических знаний переводчика. Не менее важным залогом успешного перевода являются и знания лингвокультурного и коммуникативного характера, на обретение которых следует обратить особое внимание в процессе подготовки переводчика.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., 1975.
2. Комиссарова В.Н. Современное переводоведение // www.http.classes.ru.
3. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007.
4. Паршин А. Теория и практика перевода. – М., 2001.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – М., 2000.
6. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М., 1989.
7. Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. – М., 2004.